

САНА КРАСИКОВА

РЕПАТРИАНТЫ

«Красикова обладает замечательным даром рассказчика. Ей удаётся сочетать романтические истории с описанием ужасов сталинизма, переходить от детального описания советских детских домов к примерам российского антисемитизма и жестокости круглосуточных допросов в тюрьмах НКВД. Захватывающее и подчас чрезвычайно волнующее чтение. Поразительный первый роман очень одарённой молодой писательницы».

— The Jewish Chronicle

«Компетентность Красиковой в сложностях взаимоотношений России с Америкой характеризует её первый роман — захватывающую, напряжённую и пронизательную межкультурную сагу, с искрящимся языком и увлекающим действием. Красикова драматизирует скрытые, постыдные стороны истории. В животрепещущем описании небезгрешных и, в то же время, храбрых героев, страстных эротически и политически, и их трагической борьбы за выживание Красикова мастерски и безжалостно вскрывает «весь тёмный механизм» тоталитаризма и задаёт вопрос: что значит быть героем, патриотом, человеком».

— Booklist

«Это дебютное произведение поражает глубиной и зрелостью, присущими серьёзному историческому роману: оно погружает нас в мало нам знакомое время и место и раскрывает его глазами героев, чьи идеи и предубеждения характерны и специфичны для того времени».

— Library Journal

«Красикова умело перемещается между героями и эпохами. Здесь присутствует и сострадание, и неожиданный юмор, но более всего — острое осознание того, как люди пытаются оставаться честными в чудовищных обстоятельствах. «Репатрианты» — страстный, несентиментальный и поразительно мастерски написанный первый роман, описывающий исключительную жизнь — жизнь по убеждениям, невзирая на цену».

— BookPage

«Репатрианты» — это истинная классика, роман развивается как настоящий триллер. Красикова провела исключительно тщательное исследование. «Репатрианты» основан на реальных событиях, начиная с американо-советских торговых отношений конца 1920-х, через войну, вплоть до антисемитских репрессий 1952 года. Эта книга не только информирует, но также задаёт вопросы и преследует моральные цели. Она заставляет читателя задуматься, какие решения он бы принял в аналогичных обстоятельствах и показывает, как надежду можно использовать против народа. Красикова демонстрирует подавление личного в угоду общественному под эгидой коммунистических «идеалов». Требование предавать друзей, страну, семью во имя служения Партии — пожалуй, самое психологически жестокое из всех этих «идеалов». Книга покрывает практически всю историографию СССР. Её повествование раскрывает подлинную историю, суть которой следует регулярно повторять. Значительный и очень нужный роман».

— Commentary

САНА КРАСИКОВА
РЕПАТРИАНТЫ

БОСТОН • 2023 • BOSTON

САНА КРАСИКОВА *Репатрианты*

Перевод на русский: Александр Пинский и Тимофей Фридман

Редакторы Марина Ахметова и Тимофей Фридман

Второе издание, исправленное

SANA KRASIKOV *The Repatriates*
(Repatriant)

Translated by Alexander Pinsky and Timothy Friedman

Edited by Marina Akhmetov and Timothy Friedman

Second Edition, corrected

This translation is published by arrangement with Spiegel & Grau,
an imprint of Random House, a division of Penguin Random House LLC

Copyright © 2017 by SANA KRASIKOV

Copyright © 2020-2023 by M•GRAPHICS

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or utilized
in any form or by any means, electronic or mechanical, including
photocopying, recording, or by any information storage and retrieval
system, without the prior written permission of the copyright holder(s).

ISBN 978-1-950319275

Library of Congress Control Number: 2020944445

Book Layout: M•GRAPHICS, © 2020–2023

Cover Design and Illustrations: Larisa Studinskaya, © 2020

Published by M•GRAPHICS | BOSTON, MA

✉ mgraphics.books@gmail.com

🌐 www.mgraphics-books.com

Printed in the USA

*Полине Роуз (Фридман)
посвящается*

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРОЛОГ | *Саратов, 1956* XI

КНИГА I

1. «БРЕМЕН» | *Нью-Йорк, 1934* 2
2. АГНОЗИЯ | *Вашингтон, 2008* 14
3. ГАРЛЕМ–БРУКЛИН | *Нью-Йорк, 1931–32* 17
4. ЧЕРВЬ СОМНЕНИЯ | *Вашингтон, 2008* 38
5. ОПАСНЫЕ СВЯЗИ | *Кливленд, 1933* 54
6. СТАЛЬ | *Кливленд, 1933* 71
7. ОТЪЕЗДЫ | *Кливленд, 1933* 78
8. ПРИБЫТИЕ | *Москва, 1934* 94

КНИГА II

9. КОНТИНЕНТАЛ ОЙЛ | *Вашингтон, 2008* 104
10. ДЕНЬ НЕЗАВИСИМОСТИ | *Москва, 2008* 110
11. ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ | *Москва, 2008* 130
12. МАЛЕНЬКИЕ ВРАГИ | *Саратов, 1951* 137

КНИГА III

13. МАГНИТКА | *Магнитогорск, 1934* 162
14. ЗОЛОТО | *Москва, 1934* 172
15. ЧЕЛОВЕК ИЗ НАРОДА | *Москва, 1934* 180
16. ЖАР-ПТИЦА | *Москва, 1934* 193
17. НОВОЕ МЫШЛЕНИЕ | *Москва, 1934* 202
18. СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ | *Москва, 2008* . 213
19. КОНСПИРОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ | *Москва, 1934* . 217
20. «ЗА НАС, ЗА ВАС...» | *Москва, 2008* 242
21. ПАСПОРТ | *Москва, 1936* 252
22. КУЗНЕЦКИЙ МОСТ | *Москва, 2008* 257
23. ОВИР | *Москва, 1936* 264

КНИГА IV

24. АЛТАРЬ УТОПИСТА Москва, 2008	284
25. ЧИСТКА Москва, 1937	292
26. НАШИ ЖЕНЕВСКИЕ ДРУЗЬЯ Москва, 2008	299
27. ЖИЗНЬ НА МИССИСИПИ Москва, 1939	304
28. ДОСТОЙНЫЙ ВЫХОД Москва, 2008	317
29. СЕКРЕТЫ Москва, 1940	331
30. ВОЛЖАНЕ Москва, 2008	342
31. БЕРЁЗКА Москва, 1940	347

КНИГА V

32. ЧЕЛОВЕК-НЕВИДИМКА Москва, 2008	352
33. ВТОРОЙ ШАНС Куйбышев, 1943	373
34. ЖИЗНЬ ПРОТИВ «ПРАВДЫ» Москва, 1948	383
35. ПОБЕГ Москва, 1948	417
36. С ЛЁГКИМ ПАРОМ Москва, 2008	445
37. ДИКАРИ С ХРОНОМЕТРАМИ Москва, 2008	460
38. ТОВАРИЩ БРИНК Москва, 2008	497
39. МУЖЧИНА Москва, 2008	510

КНИГА VI

40. ЛЁТЧИК Пермь, 1951	516
41. СУДЬБОНОСНЫЙ ПЕРЕЛОМ Москва, 1975	560
42. ДИАЛЕКТИКА ФЛОRENС ФАЙН Москва, 1975	569
43. АВАЛОН Марльборо, Нью-Джерси, 2008	576
44. БРУКЛИН Нью-Йорк, 1981	582

БЛАГОДАРНОСТИ	587
-------------------------	-----

ПРОЛОГ

САРАТОВ, 1956

Августовским воскресеньем на платформе Саратовского вокзала появился одорукий мужчина с мальчиком. Поезд, который они ожидали, должен был прибыть в шесть. В это раннее вечернее время воздух уже начал остывать. Солнце снизилось, и его свет углубился и позолотил пыль, поднятую спешащими пассажирами. Пробившись через толпу сгрудившихся людей, мужчина достал самокрутку из кармана пиджака и зажал её в зубах. Выцарапав одной рукой спичку из коробка, он чиркнул её подушечкой большого пальца и наклонился над пламенем. Затянувшись папиросой, он оглянулся, чтобы убедиться, что мальчик не затерялся в толпе.

Всё лето железнодорожные станции были забиты так, как не были со времён войны. Чтобы как-то уменьшить зловоние, исходящее из общественных уборных, санитарные работники засыпали сортирные ямы хлорной известью. Мужчина настрого запретил мальчику ходить в эти заведения одному, прекрасно зная, что в них гнездились урки, готовые перерезать горло за деньги, запрятанные в нижнем белье. Волна преступности охватила города двумя годами раньше, когда первые осуждённые были выпущены на свободу. Это были карманники и проститутки, убийцы, воры и насильники. И только теперь, спустя три года с тех пор, как хозяин, наконец, околел, стали выпускать остальных: осуждённых по пятьдесят восьмой за агитацию и пропаганду, и за контрреволюционную деятельность, и за неверие в коммунизм, а также всевозможных других врагов народа, число которых было так неимоверно велико, что начальство не смело освободить всех сразу из-за привычной боязни беспорядков.

Они прибывали из Воркуты, из Печоры и Инты, из Колымы и Кенгира, и Перми. Они прибывали в то лето, двигаясь на юг

с поездами, как брёвна вниз по взбухшей реке. Целые леса людей — сваленных, связанных и собранных вместе, а теперь пущенных в сплав в полую воду. Зимний лесоповал, летящий с пугающей скоростью.

Где-то впереди рывкнул гудок паровоза. Железный лязг и щёлканье напомнили о необходимости наполнить чайники. Когда раздался второй гудок, мальчик пожалел, что услышал его, и сразу укорил себя за эту трусость. Всю неделю он старался и не мог представить себе её образ. Теперь же, готовясь узнать свою мать в потоке незнакомых людей, вылившемся из вагона, он захлёбывался от отчаяния. «Девятый вагон», — произнёс мужчина и пропустил мальчика вперёд.

Его свежестриженные волосы веером рассыпались по лбу, отчего он выглядел моложе своих двенадцати лет. Его одежда, хотя и не новая, была опрятна и выглажена.

С поезда сошла женщина — её рот застыл в умоляющей улыбке. Её непонятного цвета телогрейка напомнила мальчику одежду крестьянина, привозившего картошку в детдом. Поверх грубо подшитого платья свисала толстая кофта. Картонный чемоданчик, который она поставила на платформу, укрепленный металлическими уголками, был настолько мал, что было трудно себе представить, что в нём могло уместиться, кроме нескольких листов бумаги. Свет, которым озарилось её лицо, когда она узнала его, вызвал у него болезненный спазм в горле.

Она постарела, несомненно, лицо её было бледное и припухшее. Её когда-то точёные черты были изменены странно короткой стрижкой, к тому же раздвоенной с одной стороны наподобие ласточкиного хвоста. Только её глаза — эти прикрытые тяжёлыми веками синие глаза, которые всегда были самым важным элементом её лица, — выглядели тревожно знакомыми.

Мужчина подтолкнул его.

Она присела и обняла ладонями голову Юлика.

«Дай мне на тебя посмотреть, мой сладкий драгоценный мальчик». Она сказала это по-английски — на языке, который он не слышал и на котором не говорил почти семь лет. Он едва уловил смысл её слов.

Как бы поддразнивая его, она сказала:

— Ты не узнаёшь меня?

— Конечно, узнаю, мама! — он ответил по-русски.

— Это ничего. Я превратилась в старую ворону, правда?

Он не знал, как реагировать и потому фальшивым голосом сказал:

— Давай я понесу твой чемоданчик, мама!

Поезд отходил. Между вагонами мелькали кусочки неба. Но что же стало с её волосами? С её густыми, длинными кудрями, в которые он зарывал своё маленькое личико и которые он годами представлял себе во сне. Это было всё, что он помнил о ней. Их потеря воспринималась как измена. Он стоял и держал её чемоданчик; она подошла к Марку Павловичу — директору детдома — и обняла обеими руками его единственную руку. Перейдя на русский, она благодарила его за всё, что он сделал для её сына в течение этих лет. Юлик был потрясён: её голос, неожиданно ясный и громкий, звучал с сильным акцентом.

Как он мог это забыть?

— Нам будет его не хватать, — сказал директор, — Юлик был большой подмогой, — Он бросил короткий взгляд на уходящий поезд, — Вы сами увидите, какой он хороший мальчик. Замечательный работяга.

— Я не сомневаюсь в этом, — сказала она, положив руку Юлику на плечо.

Он почувствовал, как напряглось его тело. Ему придётся оставить школу, забыть игры за коровником, попрощаться с друзьями, со всей прошлой жизнью. От мысли, что он теперь будет жить с этой женщиной, ему захотелось разразиться горькими слезами. Директор, видимо прочтя его мысли, сказал: «Надеюсь, вы не будете возражать, если он побудет с нами ещё некоторое время». Это был, скорее, не вопрос, а обещание позаботиться о нём, пока она не встанет на ноги. Всё было оговорено заранее. Так поступали со всеми детьми освобождённых заключённых.

Глаза матери наполнились горькой благодарностью, но она всё же взглянула на Юлика, чтобы убедиться, что он не против. Он почувствовал укор совести. Было понятно, что она не могла взять его с собой. Марк Павлович спросил, не хотела бы она остаться на ночь, но она сказала, что подо-

ждёт ночного поезда на Москву. Там она попробует наладить свою жизнь, получить документы по реабилитации, найти работу, снять комнату, где они бы могли жить вдвоём. «Надеюсь, всё устроится к декабрю, — добавила она с неловким хрипловатым смешком. — Мы тогда сможем отпраздновать Новый Год вместе. Вот будет славно!»

Годами он репетировал, что скажет маме, когда они, наконец, встретятся. «*Присядь, мама, отдохни. Я буду о тебе заботиться*». Сейчас же он почувствовал себя как солдат, уклонившийся от службы.

«Что ещё несколько месяцев после всех этих лет!» — сказала она. И с этими словами мама — призрак его утомлённого воображения — вернулась в его жизнь.

◆ ◆ ◆

КНИГА I

1 «БРЕМЕН»

НЬЮ-ЙОРК, 1934

Разбитые сердца её родителей были платой за спасение собственной души. Эта уверенность помогла Флоренс пережить перипетии последних шести недель, но сейчас, на палубе «Бремена», неожиданно покинула её. Из-под узкой ладони Флоренс всматривалась в людей, собравшихся на причале. Майское солнце буйствовало в заливе, покрывая всё слепящим блеском. В воздухе висел запах угля и гнилой рыбы. Маленькие зеленоватые волны бежали от корабля к пирсу, где между незнакомыми людьми стояли её родители и братик. Она хотела окликнуть их, но поняла, что её голос будет заглушён криками чаек и прерывистыми гудками судового фагота.

Только купив билет, Флоренс сказала родителям, что она уезжает. И приготовилась к извержению семейного вулкана.

—Кливленда тебе было мало! — крики её отца сотрясали гостиную их флэтбушской квартиры, — *В Россию!* Тебе надо поехать туда, где стреляют людей только за то, что они едят свой кровный хлеб?

Она отбрыкивалась, как могла: — Никто из тех, кто там был, ничего подобного не рассказывал.

Он повернулся к матери:

—Никто не рассказывал! Их обдурили, Флори. И *тебя* обдуривают.

—Конечно, а фабрики жгут солому, чтобы дым из трубы шёл? Ты думаешь, я такая дуручка, что не знаю из какого жульнического мира прибыл мой отец? Молодой парень, как раз годный для призыва...

— Никто меня не призывал!

Его глаза наполнились недобрым подозрением.

— Покажи свой партбилет!

— У меня его нет! — крикнула она, дрожащим от слёз голосом, — Бога ради, никакая я не коммунистка!

— Тогда почему, Флори? Только скажи мне, почему. Что это за сумасбродство, чтобы молодая девушка хотела бросить свою семью, свой дом, всех, кто её любит? На другой конец света!

Она не могла признаться ему. Не могла показать ему фотографию тёмноглазого мужчины с татарскими скулами, запрятанную на дне ящика в её комод. Пусть лучше думают, что она коммунистка, чем шлюха.

— Я же не навсегда уезжаю, папа! — произнесла она охрипшим от крика голосом.

— Тогда скажи нам *как надолго?*

— *Я не могу* сказать. На год, может дольше.

— И выбросить ещё год жизни?

— Я хочу жить *своей* жизнью.

— Тогда езжай! С меня хватит, — произнёс отец. Лицо его приняло нравоучительное выражение. — Пусть никогда не наступит день, когда тебе придётся испытать нашу боль.

Несмотря на угрозы, родители пришли её проводить. Мама отдала ей меховую шубу, чтобы «пережить снежную российскую зиму». Отец купил дорожный сундук. Они стояли и смотрели, как судовой грузчик опустил его в трюм, где сундук потерялся, как спичечный коробок среди остального груза — огромных ящиков и бочек, хромированных автомобилей и пианино. Братишка Сидни отдал ей свой любимый бойскаутский компас, холодный скошенный край которого Флоренс сейчас до сладостной боли вдавливала в мякоть большого пальца. Она обнаружила его в своей сумочке уже на борту и хотела сойти, чтобы вернуть его Сидни, чья ондатровая шапка жёстких волос всё ещё мелькала в толпе на причале. Но было поздно: пассажиры третьего класса уже поднимались на борт, заблокировав сходни своими неуклюжими узлами. Датчане, поляки, немцы — такие приземистые в своих зимних облачениях и резиновых сапогах. С американскими детьми они возвращались в свои страны в поисках работы. Флоренс вдруг подумала, что смотрит старый ролик с Эллис Айленда,*

* *Ellis Island* — остров в устье реки Гудзон около Манхэттена, служивший пунктом приёма иммигрантов.

перевёрнутый депрессией задом наперёд: массы иммигрантов, возвращающихся на судно, гонимые через громадный человеческий пакгауз, а Леди Либерти* машет им на прощание.

Её задумчивость была прервана сварой на палубе. Кто-то требовал пронести на борт куриный инкубатор вместо того, чтобы отдать его в трюм. В суету вмешался крик петуха, спорящего с третьим гудком парохода. Воспользовавшись давкой и беспорядком, один из поляков решил пройтись по рядам «с кружкой». Заметив высокую симпатичную девушку в хорошо сшитом зелёном костюме, он принял Флоренс за богатую молодую даму и обратился к ней на сильно исковерканном английском, призывая помочь бедным безденежным экспатриантам. За хлопаньем канатов и портовым шумом его рассказа не было слышно. Ей вдруг показалось, что кто-то выкрикнул её имя голосом отца — галлюцинация, вызванная звуками воздушных завихрений. Флоренс достала кошелёк и дала мужчине монету.

Она уже нетерпеливо ожидала отправки, как вдруг новая суета охватила толпу. На сходнях девушка лет восемнадцати уронила очки и ощупью пыталась их найти, время от времени огрызаясь на людей, напивавших на неё сзади. В её близоруком вызывающем прищуре Флоренс почуяла диковатый взгляд человека, научившегося не стесняться своей угловатости. Девушка, привыкшая быть не в своей среде. Но больше всего Флоренс поразила её внешность: она могла быть самой Флоренс — помоложе, пониже, поплотнее, но в остальном — почти семейное сходство. Её кожа — почти такая же бледная, её кудряшки — чуть более тёмные, чем у Флоренс, были сильно закручены, тогда как Флоренс научилась приручать свои с помощью распрямителя и расчёсок. Кого-то послали с корабля, чтобы помочь девушке, и вскоре её очки были извлечены из зазора между планками сходен. Шум суеты был опять заглушён последним сигналом с корабельной высоты. Трубы выплюнули клубок угольного дыма, и машины буксиров пришли в движение. Наконец «Бремен» почти незаметно, задним ходом скользнул в Гудзон.

Судно вспенило и рассекло воду, и стайка чаек с причудливой окраской крыльев, кружа, последовала за ним. Толпа на пирсе

* *Lady Liberty* — статуя Свободы.

стала потихоньку рассеиваться, и вместе с ней растворилась её семья. Только чайки продолжали держаться за судном. Следуя за «Бременом», они взлетали и падали в воздушном тоннеле, который как бы толкал корабль и всех, кто был на нём, в путь, необратимо увлекавший их в яркое грозное море.

* * *

Наутро ничто: ни деревья, ни здания, уже не заслоняло лучи солнца. Флоренс сидела в палубном кресле в тени фестончатого навеса. От океанской прохлады её руки покрылись мурашками. Она достала тёмные очки и попыталась читать книгу, взятую с собой в путешествие: «Красная добродетель; межличностные отношения в новой России» Эллы Уинтер. Стиль автора с трудом позволял продвинуться далее двух страниц. К тому же, сейчас её куда больше занимали совсем иные межчеловеческие отношения: на верхней палубе, в первом классе, высокая дама с впалыми щеками и фигурой охотничьей собаки прогуливалась под руку со смуглым и заметно более молодым мужчиной. Его волосы были прилизаны назад под Валентино. Спина застыла в военной выправке, даже когда спутница потрепала его по плечу и провела тонкими губами по уху.

— И что вы о ней думаете?

Флоренс повернулась и обнаружила девушку, виденную накануне. Её черепаховые очки теперь прочно укрепились на короткой переносице. Кудрявая головка была увенчана вязанным, сидящим наискосок беретом.

— Извините?

— Элла Уинтер. Ваша книга. По мне, так ещё одна фальшивая Маргарет Мид.

Флоренс нахмурилась и взглянула на обложку.

— Она, похоже, была сильно разочарована, обнаружив, что её русские оказались не такими безграмотными дикарями, как самоанцы,— продолжила девушка без всяких предисловий.

— Вы её читали? —спросила Флоренс недоверчиво.

— Я прочла всё, что мне было нужно, в обзоре, напечатанном в журнале «Американец». Они напечатывают любое, так называемое, исследование, если оно вышло из-под пера миссис Линкольн Стеффенс. Вам нравится?

Это не был вопрос, а скорее априорное отрицание её вкусов, поэтому Флоренс сочла его не заслуживающим ответа. Книга на самом деле была ужасно скучной. Но чрезмерная категоричность этой странной девушки заставила Флоренс огрызнуться.

— А как насчёт Дороти Томпсон — вы её тоже не будете читать, потому что она Миссис Синклэр Льюис?

— Какое неудачное сравнение! — девушка шлёпнулась в соседнее кресло. — Томпсон — королева пресс-корпуса. Уинтер — просто ещё одна суфражетка, родившаяся с запозданием на двадцать лет.

Глаза девушки — такие же голубые, как у самой Флоренс, горели жадной спора, что вызывало дополнительное раздражение, тем более, что однажды она уже прошла через это. Флоренс чувствовала, что вступив в спор с этим созданием, она бы вернулась к той версии себя, от которой пыталась избавиться. В средней школе и колледже Флоренс получала хорошие отметки, но где-то она понимала, что преподаватели, которые ей нравились, не отвечали ей взаимностью. Историчка однажды похвалила её перед другими: «такая девушка может срубить дуб бейсбольной битой» — она съёжилась от мысли, как тогда не почувствовала двусмысленность этой фразы.

— Почему суфражетка? — спросила она с осторожной небрежностью.

— Место женщины из рабочего класса рядом с мужчинами из её же класса, а не с женщинами из других классов. Это начальник Маркс, если она хоть раз попыталась в него заглянуть.

— Если бы вы попытались заглянуть в неё, вы бы увидели, что она понимает, что Маркс утверждает это только в отношении обществ, которые ещё не избавились от классов. Как бы то ни было, я читаю её не для теории.

— Я так и знала! Вы направляетесь в Россию, как и я. — Девушка выбросила вперёд руку: Эсси Франк.

— Флоренс Файн.

Меньше, чем за минуту на Флоренс высыпался град вопросов. Каким классом она едет? Откуда она? Где училась? Где собирается остановиться в Москве?

— В Интуристе? — Эсси воскликнула с ужасом. — Они сдерут с вас шкуру. Они со всех иностранцев берут втридорога. — Эсси,

похоже, собиралась ночевать в рабочем общежитии Института иностранных языков, где её уже ждала работа.

— Я пробуду в Москве только пока не достану билет в Магнитогорск, — Флоренс произнесла это с мистическим видом в надежде исключить дальнейшие расспросы. «Бремен» делал остановки в Копенгагене, Данциге и Либаве, и Флоренс ещё не встретила никого, кто бы, как она, сходил в Латвии и пересаживался на поезд до Москвы. Судя по разговору, Эсси лучше подготовилась к путешествию, захватив лишние паспортные фотографии, а также разные предметы на продажу или для подарков. Её подготовка выглядела вызовом для беспечной веры в будущее самой Флоренс.

— Магнитогорск — это далеко на Урале! — сказала Эсси, то ли под впечатлением от храбрости Флоренс, то ли поражённая её бравадой. — У вас есть там работа или что-нибудь?

Флоренс не знала, как ответить. Она сама не была уверена, в погону за какой мечтой пустилась: о советском обществе или о конкретном темноглазом советском человеке.

В этот момент компания пассажиров из третьего класса вывалилась на палубу. Один из мужчин помахал Эсси рукой.

— Это твоя группа? — спросила Флоренс, незаметно переходя на «ты». Эсси выглядела смущённой.

— Нет-нет, вообще-то я не с ними... — вторгшись в личный мир Флоренс, Эсси теперь ревниво охраняла свой. — Видишь ли, была вакансия, и я в последнюю минуту достала дешёвый билет... Они все выходят в Данциге.

— А-а, — Флоренс снова обратила внимание на пару в первом классе. Борзая в шёлковой пижаме, безудержно смеясь, изогнулась в экстазе, а загорелый любовник в аскотском галстуке сжимал её талию, как бы удерживая спутницу от перелома. — Как будто они позируют для фотосессии, — заметила Флоренс.

— И кто бы подумал, что это они скрываются от прессы, — неожиданно вставила Эсси.

— Ты *знаешь*, кто она такая?

— Все на этом корабле знают. Это Мэри Вулфорд, наследница газ-электро, а это её новый альфонс. Он аргентинский игрок в поло и легендарно эротичен. Ох, не будь так шокирована; он слишком тёмный для американца. Он её муж *número tres*.

Флоренс была шокирована не оттенком кожи нового мужа, а Эссиным превосходным знакомством с корабельными сплетнями.

— Смотри, она опять поправила ему рубашку.

— Надеюсь, она не засалит её гелем от его волос, — пошутила Эсси.

Они прыснули хором:

— Знаешь, как говорят, — вставила Эсси, — со спины красоткой слыла, в лицо — как старая кобыла.

— А он, похоже, любит лошадок, — продолжила Флоренс, и новый взрыв смеха привёл их обеих в изнеможение, так что они откинулись в своих креслах с красными от смеха лицами.

Эсси сняла очки и вытерла глаза, а Флоренс ощутила себя почти очарованной этой девушкой с ямочками, как будто сделанными буравчиком.

— Не поднимай голову, — сказала Эсси, удерживая Флоренс за руку, — там пара студентов пританцовывает к нам.

Флоренс оглянулась и увидела двух молодых людей в вязаных свитерах, которые ещё с завтрака кружили по палубе.

— Больше похожи на бурсаков, — сказала она, вытягивая ноги, чтобы ухватить ещё кусочек драгоценного солнца и дать мальчикам возможность лучше оценить их.

Молодые люди, тихонько посоветовавшись, решились подойти.

— Мы не хотим вмешиваться в ваш разговор, девушки, — начал тот, который покороче. Он был лопухий, с радостным лицом. — Но мой друг убеждён, что вы Норма Ширер.

Парень был не первый, кто заметил это сходство. В лучшие времена Флоренс сама могла видеть это в зеркале: глубоко посаженные серо-голубые глаза, орлиный профиль, который некоторые называли «королевским», нечто среднее между невинностью и высокомерием.

— Я могу быть хоть Ал Джонсон, дорогой мой, — сказала она, — если у вас есть «Лаки».* У нас кончилось курево, как видите. — Подбодрённая морским воздухом, она звучала, как завзятая кокетка.

Молодой человек вывернул карманы:

* *Lucky Strike* — популярный сорт американских сигарет.

— Сожалею, Мисс Ширер, никакого табака перед соревнованиями — тренерские правила. Но мы можем достать вам корабль пустыни* из буфета...

Вернувшись с сигаретами, они представились как Джек и Брайан на пути в Германию в составе Нью-Хэйвенского теннисного клуба, в качестве гостей Рот-Вайссовского теннисного клуба. Флоренс распечатала принесённую пачку «Кэмел» ногтем и дала одну сигарету Эсси.

— В Россию! Это совсем к чёрту на кулички! — воскликнул Брайан, когда они сообщили ему, куда направляются. — Вперёд, на стройку Красного Рая?

— Ну да! — заметила Эсси серьёзно.

Парни смущённо улыгнулись её реплике и опять обратились к Флоренс. Она заметила, что если Эсси высказывалась в компании, она произносила что-нибудь неуместное, что уж точно не могло привлечь мужское внимание. Вскоре парни должны были идти на тренировку (оказывается, где-то в лабиринтах судна был нормального размера теннисный корт), но перед уходом пригласили девушек присоединиться к их команде на послеобеденный стаканчик.

— Если нам ещё не пора будет спать, — сказала Флоренс, помахав им рукой с зажатой между пальцами сигаретой.

* * *

Вечером, после второго звонка на обед Флоренс встрети-лась с Эсси в усталом ковровой дорожкой коридоре около каюты Кронпринца. Она осмотрела Эссину юбку и туфли и сказала:

— Пойдём со мной.

Стоя на спальном уровне кабины, Эсси осмотрелась с нескрываемой завистью:

— Это всё тебе одной?

— Обычно каюты второго класса не распродают. Какой у тебя размер обуви?

— Шесть с половиной. Нас запихали по восемь в комнату, но на самом деле, нас девять — есть ещё один четырёхлет-

* *Camel* — «Верблюд» — сорт американских сигарет.

ний, а остальные социал-демократы, которые всю ночь спорят по-польски, так что не сомкнуть глаз.

— У меня только восьмой размер. Надо будет напихать что-нибудь в носок. Вот померь это, — Флоренс кинула ей свободное платье с широкими рукавами.

— А что не так с моими туфлями?

— Всё с ними в порядке, если тебе всё равно, какой левый, а какой правый, — они такие квадратные. — Она прищурилась на платье и сказала: — Надо будет перетянуть в талии, — хотя о талии Эсси лучше было не упоминать.

— Проблема у меня с волосами, — сказала Эсси расстроено, — эта соль в воздухе делает из них птичье гнездо. Если бы у меня были твои кудри...

— Могут быть и у тебя. Просто надо их накрутить на горячие ножницы. Я покажу тебе потом, — сказала она, — а сейчас мы опаздываем.

* * *

Нью-Хэйвенские игроки — около дюжины, расположились за одним из высоких столов недалеко от бара. Коллективно они излучали почти пугающий дух здоровья. Приход Эсси и Флоренс не вызвал у них никакого интереса за исключением Брайана, который бодро притащил дополнительные стулья.

— Пару «Джо Рикки» сюда, — он постучал стаканами, — Нам сказали, что у них кончился джин, так мы перешли на бурбон.

— Три «Рикки», — поправил розовощёкий шестифутовый па-рень рядом с Флоренс.

— Ты уже принял столько, что хватило бы надраить палубу, Кип, — заметил кто-то. Не обращая внимания, Кип поднял палец, подзывая официанта.

— Вот, что я вам скажу: Кубок Дэвиса стал слишком большим, — произнёс молодой человек, которого звали Лэсли. — Никто больше не слышит своего имени. Только и слышишь «преимущество Штатов» или «Франция четыре, Англия два». Судьба всей страны на твоей шее.

Флоренс понятия не имела, о чём они говорят, и обрадовалась, когда Брайан спросил, в самом ли деле они едут в Россию.

— А что, не похоже? — ответила она.

Кип окинул их скучающим взглядом и сказал:

— Французики, кажется, не чувствуют накала.

— Немцы чувствуют, я точно знаю, — сказал Лэсли. — И их Гитлер твердит им об их физическом превосходстве.

— Пока у них есть фон Крамм, они могут выиграть Кубок. Одна призовая лошадь — этого достаточно.

— Кто из них фон Крамм? — спросила Эсси, включившись в разговор с запозданием. Но парни продолжали беседу, не обращая внимания.

— Если фон Крамм будет играть.

— А почему бы нет?

— Он и старина Хиттс не очень-то приятельствуют. В прошлом году он назвал герр Фюрера маляром.

— Я слышал, что Риббентроп пытался записать его в Наци, но фон Крамм отослал его жрать сено.

— Слишком аристократ для них, а?

— Нет, он сердит на них за то, что они выгнали его дружка Даниела Пренна из команды.

Флоренс заметила, как Эссины глаза зло засветились — она уловила.

— Это отвратительно, — сказала Эсси, — как они изгоняют еврейских спортсменов.

— Они вредят себе, изгнав Пренна, — сказал Брайан.

— Пренн нормальный игрок, — признал Кип, — но незаменимых нет.

Пока Флоренс раздумывала, как правильно включиться, Эсси уже выскочила:

— Это невысказано, — продолжала она с напором, — как можно было позволить Германии принимать Олимпиаду, когда они изгоняют еврейских игроков...

— Просто *немыслимо!* — вызывающе передразнил Кип, — Пренн может идти играть за кого-нибудь другого, если ему не нравится. Бриты схватят его сразу.

— Или русские. Он один из них, не так ли?

— Германию надо выгнать из Игр, — заключила Эсси.

— Тебе не нравится их политика? Мне, так, не нравятся ни нацики, ни большевики, — сказал остроносый мальчик с короткой стрижкой. — Давай выгоним их. И заодно этих вонючих греков, почему бы и нет?

Схватив наживку, Эсси бросилась в атаку. Но никто её не слушал. Даже для Флоренс она выглядела, как шнауцер среди доберманов.

— Я бы сказал, что твоя подруга — как мокрая рыба на суше, и на мили вокруг больше ни одной, — прошептал Брайан Флоренс. Флоренс застыдилась своего молчания, позволив Эсси одной получить трёпку от этих гоев.

— Ладно, ребята, никакой политики на сегодня, — взмолился кто-то. — Пусть Олимпийский комитет с этим разбирается.

— Они и *разобрались*, — заметил Кип, — Брэндэддж сказал, что весь трёп о еврейских спортсменах — это брехня.

— И эти комитеты всегда на высоте, — вставила Флоренс, воспользовавшись моментом и заглотнула остатки своего «Рикки». Её холодный взгляд упёрся в Кипа: — Это не брехня, что половина мира призывает к бойкоту.

— Не половина мира, а только горстка евреев и коми, которые хотят вовлечь нас в новую войну. Всем спокойной ночи, — сказал он, встав во весь свой арийский рост.

— *Auf Wiedersehen!* — крикнула ему вдогонку Флоренс, схватив Эсси за руку, прежде чем та успела выпалить ещё что-нибудь язвительное.

* * *

— И это те, кто теперь считается лояльными патриотами, Флоренс! Первоклассные мракобесы, размахивающие американским флагом. Вот кто теперь во главе, и вот почему я завязываю с этими замечательными Соединёнными Штатами.

Флоренс слышала набирающиеся в голосе у Эсси тяжёлые слёзы. С момента, когда они вошли в каюту, она говорила, не переставая.

— А то я не знаю! — бодро поддержала её Флоренс, удивившись, почему Эссино возмущение так подбодрило её саму. И тут она поняла, что впервые с того момента, как она рассталась со своей семьёй и оказалась на борту корабля, она была абсолютно уверена в правильности своего решения. Америка ничего не могла ей предложить.

— Заумные свиньи, уткнувшиеся рылами в изысканные наптки, а головами — в песок. Лицемеры, сюсюкающие с фаши-

стами, пока те вооружаются против всей Европы! — Эсси понесло. И эти люди будут первыми, кто назовёт предателями моих родителей.

— Не плачь, Эсси, или хотя бы сними моё платье.

— Извини, — сказала Эсси, вытирая нос рукой. Она сняла Флорино платье, обнажив лямки пожелтевшего лифчика и трусы. — Смотри, — воскликнула она, — У меня даже нет с собой нового трико и подходящего пояса. Была бы жива мама, она бы сводила меня в магазин, но я не хотела просить денег у отца. Ой, Флоренс, он даже не пришёл меня проводить. И хуже всего, что я же в этом виновата. Правда, я сама не велела ему приходиться, но я не думала, что он послушается... Не делай такое лицо!

— Я ничего не делаю.

— Я думала, что он всё равно придёт. Но я слишком много гадостей ему наговорила. Жуткие гадости... Понимаешь, мы должны были все быть на этом корабле. Папа, сестрёнка Лилли и мама тоже... Нет, ты решишь, что я ужасная, если я тебе расскажу.

— Ну что ты, милая, — Флоренс подобрала Эссину одежду с пола и присела с ней рядом. — Что бы это ни было — это всё в прошлом.

2 АГНОЗИЯ

ВАШИНГТОН, 2008

Большую часть моей жизни меня звали Юликом, но сейчас меня знают как Джулиана. Хотя я появился на свет на тёмных берегах Волги, моё свидетельство о рождении недвусмысленно обозначило мою национальную принадлежность как «американец». Этим я обязан своей матери, Флоренс Файн, решившей, что разумнее будет меня записать янки, чем евреем. (Сама она могла претендовать на оба этих наследия). В 1943, на острие двусмысленной победы над нацизмом, её решение могло быть продиктовано теми же соображениями, которые сохранили крайнюю плоть всем еврейским мальчикам моего поколения. Опять же, может быть, нервозность Флоренс была вызвана не нашествием фашистов, а её же собственными советскими товарищами.

Как ни печально, никто не может сказать с уверенностью.

Я никогда не спрашивал мать, что ею руководило, да и навряд ли она бы мне честно сказала, если бы я и спросил. Умолчание и забывчивость были её, как и многих других, кто носит в себе неразделённую любовь к безнадёжным идеям, неотъемлемыми свойствами. В качестве камуфляжа, «американец» было для еврея столь же удачным прикрытием, как свитер для пуделя. Но в одном важном аспекте это определило мою дальнейшую жизнь: это придало чёткую форму моему чувству обособленности. Может, сегодня в этом нет ничего особенного, когда самое плохое, что может случиться с ребёнком — это быть как все. Но в то время, когда скромная незаметность была полезным качеством, мой американизм был, как родимое пятно, делавшее меня одновременно и чудачком, и аристократом. Даже в государственном детдоме, когда я боялся, что мальчишки узнают об этом моём

отличии, я лелеял в себе горьковатую правду о моей тайной причастности к этому куску карты цвета авокадо, о котором наши учителя говорили с какой-то почтительной ненавистью.

И только вступив в 1979-м году на американскую землю, я вдруг превратился в обыкновенного советского обывателя — *совка*. Вежливое недоумение на лицах моих патронов дало мне понять, что тот английский, на котором я говорил (преимущественно про себя) с детства, был для них также понятен, как китайский. Хотелось бы думать, что за три десятилетия американского бытия я сильно продвинулся в восстановлении этих своих корней. Пиво я пью охлаждённым. Я чищу зубы флоссом. Я даю чаевые, как минимум 15 процентов. Мой акцент теперь стал неопределённого происхождения. Когда мне теперь приходится бывать в России, меня радует, что мои бывшие соотечественники идентифицируют меня, прежде всего и более всего с моим синим паспортом.

Так зачем же я приезжаю обратно? Простейший ответ — потому, что я теперь работаю в бизнесе, который сделал для сотрудничества и дружбы наших славных держав больше, чем десятилетия мирных переговоров и договоров о нераспространении. Я говорю о Большой Нефти. Последние четыре года я работаю в одной из полудюжины нефтегазовых компаний, чьи вашингтонские офисы образуют плотный полукруг (или, как некоторые говорят, петлю) вокруг нашей столицы. Моя специальность — ледоколы. Это многотонные мегалозавры, проламывающие паковый лёд, чтобы вы и я могли наполнить свои бензобаки остатками палеозойских кладбищ. После того, как несколько таких кладбищ были открыты в Российской Арктике, я не испытываю недостатка в работе. Каждые несколько месяцев я упаковываю свой поликарбонатный «Римова» и сажусь на ночной рейс в Москву. К утру я прохожу таможеню в Шереметьево под безмолвным взглядом матроны, которая с утончённым презрением сравнивает мою физиономию с паспортной фоткой, напоминая мне о том, что в России я, как и любой другой иностранец, никто. Мне прилично платят за это отрезвляющее унижение.

Если кому-то показалось, что деньги — это единственная причина, вынуждающая меня летать туда, то это не так. Что меня там привлекает — так это возможность повидаться со своим сыном Ленни, который последние девять лет сам гоняется за своей

фортуной в Москве. В самом деле, гоняется. Я узнал некоторые подробности, о которых Ленни мне не рассказывал. Но убедить сына примириться с неудачей в России и вернуться домой оказалось труднее, чем вытащить оттуда мою мать тридцать лет тому назад. Непоседливость и упрямство — врождённые качества в нашей семье. Будь Флоренс жива, она бы подивилась тому, как упёрся её внук. Её собственное упорство было образцом благородного бунта, сродни голодным забастовкам Ганди. В 1978-м году, когда мы готовились к отъезду, она не только отказалась эмигрировать вместе с остальной семьёй, но даже отказывалась произносить слово «Америка». Только после несчастного случая она стала робко, испытующе возвращаться к этому вопросу. «Вы всё ещё собираетесь в... это место?» — сформулировала она. Это место. Пару лет назад я прочёл о неврологическом состоянии, в которое иногда впадают жертвы инсульта. Человек, страдающий этим синдромом, может, глядя на лампочку, назвать все её элементы: нить накаливания, проволочки, стекло. Он может описать её форму и свойства. Но за всё золото Аравии он не сможет вкрутить и включить её. Это состояние называется «агнозия». Древнегреческий термин для «незнание». При этом органы чувств не поражены и нет потери памяти. Просто человек теряет способность узнавать вещи такими, какие они есть. Я часто думал, не попала ли мама в лапы похожего недуга.

Может быть, я был бы менее строг к матери, если бы она была обыкновенной русской, страдающей *национальной формой Стокгольмского синдрома*, называемого там патриотизмом. Но, ведь, она не была такой. Она была американкой, как я сейчас, и даже более. Она выросла на усаженных вязами улицах Флэтбуша и Бруклина, дебатировала о «Документах Федералиста» в старших классах школы Эразмус Холл, изучала математику в числе первых эмансипированных студенток Бруклинского колледжа с совместным обучением, слушала «Беседы у камина» Рузвельта и смотрела, как Кагни целует Харлоу на экране Пармаунтского кинотеатра. Как бы она ни притворялась, что всё это забыто, я никогда не верил, что всё нью-йоркское воспитание могло быть соскоблено с её памяти, как старая шелушащаяся краска. Я и по сей день уверен, что для неё когда-то был узнаваем запах свободы.

3 ГАРЛЕМ—БРУКЛИН

НЬЮ-ЙОРК, 1931—1932

Однажды вечером звук посуды из столовой оторвал Флоренс от чтения. Сердитый звон, производимый матерью, заставил её застыть. Затем она услышала голос отца:

— Ты ещё ей не сказала?

— Ты сказал, что после Рош ха-Шана.

— А после Рош ха-Шана будет Йом-Кипур, и после этого...

— Да, Сол, мне нужна помощь в эти недели! Ты хочешь, чтобы наша дочь готовила для всей твоей родни?

— Ладно, но мы должны предупредить Сисси сейчас. Так будет правильно.

Звон посуды прекратился:

— Я не знаю, что обо всём этом думать, Сол.

— Мы прекрасно обходились без домработницы. Она всё равно приходит только три раза в неделю, с тех пор как дети выросли.

Флоренс отложила яблоко, которое жевала. Упоминание Сисси — её старой няни, которая всего несколько месяцев назад, подметая пол, согласна была слушать, как она репетировала свою роль в школьной постановке Дидо, вызвало спазм в горле.

— Мне не двадцать, — доносился голос матери с другой стороны кухонной двери. — Я не могу уже на коленях скрести эти ступени.

— Флори может помочь.

* Первая часть этой главы — *Гарлем* — не была включена в опубликованное издание романа и с разрешения автора взята из ранней версии романа. — *Прим. пер.*

— Флоренс? Она даже не знает, как выкрутить тряпку. Может быть, если бы ты позволил ей когда-нибудь пошевелить пальцем в этом доме... Упаси Бог — *«не трожьте Флори, она читает. Пусть девочка занимается»*.

— Ну ладно — сказал отец примирительным тоном. — Если ты не хочешь отпускать Сисси, можно перестать платить взносы в синагогу.

— Ты в своём уме?

— Мы редко когда ходим туда.

— У Сидни в апреле бар-мицва.

— Мы можем устроить её в Комьюнити-Центре. По крайней мере, их ребе не завёл себе трёх ассистентов для составления речей, пока он сам играет в гольф.

— Сол, это будет выглядеть чёрной неблагодарностью после того, как Кантор Кляйнер так упорно работал с Сидни над его заиканием!

Со стороны Сола последовало молчание — молчание, в котором Флоренс слышала всё отцовское недовольство организованной религией вообще, и их роскошной синагогой Мидвуд, в частности. Работая актуарием в течение многих лет и занимаясь расчётами, касающимися наиболее значительных событий в жизни людей — их рождений, свадеб, детей, болезней, несчастных случаев и, в конце концов, их смертей — Сол уже верил в Бога Авраама не больше, чем в Бога, который вёл себя, как карточный дилер. Но еврей-атеист, всё же еврей, и он ответил:

— Только до апреля, Зельда.

* * *

Зельда распрощалась с Сисси прямо перед Рождественскими праздниками. Мать дала Флоренс коробку из-под обуви с предметами, которые Сисси забыла: пара бакелитовых гребней, квадратная крепдешиновая косынка и карманная Библия со штампом внутри: «Строевая служба, 1914 год» — и просила отправить её по почте. Что-то удержало Флоренс от отправки этой коробки сразу — может быть, это был дух прошлого, исходящий от неё, или аромат бергамотного масла для волос, сохранившийся в косынке, — все запахи недавнего детства. Пере-

бирая эти осиротевшие предметы, Флоренс ощутила такое острое чувство вины, что у неё перехватило дыхание. Родителей не было дома — они навещали брата Харри в Ривердэйл, а Сидни одевался, готовясь к занятиям для бар-мицвы. Поправляя воротничок, он следовал за Флоренс из комнаты в комнату, рассуждая о новом списке игроков «Кардинала».*

— Им не следовало бы продавать Граймса чикагским «Кабсам», — сетовал он с любительской проницательностью. С тех пор, как «Янки» разбили его любимых «Доджеров», он считал, что наступило время расплаты. Единственная команда в лиге, которая имела хоть какой-нибудь шанс побить «Янки», была «Кардинал», но у них была неправильная стратегия. — Они отбирают игроков из младшей лиги и выбрасывают старых ветеранов из клуба. Это может принести им несколько лёгких побед, но это плохой способ создавать команду, — он сбежал по лестнице за Флоренс, продолжая щебетать. Безостановочная болтовня брата обычно забавляла её, так как думать и говорить для Сидни были не отдельными занятиями, а одним непрерывным процессом. Но сегодня его трескотня была несносной для неё и сильно резала ухо. Она сунула Сиссину коробку в ранец и закрыла его.

— Ты куда?

— Отправить Сисси её вещи.

— Почему она сама не может их забрать, когда вернётся?

Флоренс молча повернулась и уставилась на него. Что ли мама ему не сказала? — Где ты пропадал, Сидни? Она не вернётся.

— Что ты говоришь, не вернётся?

— Мама её уволила. Как ты думаешь, почему её не было так долго?

— Я думал, что она взяла отпуск...

— Отпуск? — Она порылась в ранце в поисках клочка бумаги с гарлемским адресом.

— Она чем-нибудь рассердила маму?

— Тебе не пора ли в Еврейскую школу?

Но он не сдавался:

— Она что-нибудь украла?

* «Кардинал», «Кабс», «Янки», «Доджерс» — названия американских бейсбольных спортивных команд.

— Ты что — идиот? Как ты мог такое подумать?

— Я не знаю. Почему мама её уволила?

— Потому что мы не можем себе сейчас позволить домработницу, *capisci*? Или ты не заметил? Харри без работы, а мы должны платить взносы в синагогу до конца года, чтобы ты мог постоять десять минут перед всеми и, заикаясь, прочесть три куска из Торы.

Расстройство на его лице превзошло все её ожидания. Зелёнокарие радужки его глаз выглядели потресканными, как стекло в пузырьке от лекарств.

— Я не в-в-виноват! Я даже и не хоч-ч-чу этого! — он почти кричал на неё.

— Поздно, суслик. Из тебя сделают мужчину, хочешь ты этого или нет, даже если нам придётся есть репу круглый год.

Наверно, было гадко выдать ему эту правду так бесцеремонно, но он должен был её знать.

— Я задержусь сегодня. Буду дома к обеду, — сказала она, и, желая приласкать его, положила ему на голову руки в перчатках. Он не пошевелился, и ей не оставалось ничего другого, как бросить его, как сломанную куклу, и выйти на улицу в холодное февральское утро.

* * *

Поездка на метро, казалось, длилась целую вечность. Флоренс сидела с коробкой Сисси на коленях, поглаживая переплёт Библии, на котором было выбито золотыми буквами: «Строевая Служба, 1914 год». Солдатская Библия. Флоренс вспомнила, что Сисси пару раз упоминала сына. Был ли он на войне? Жив он или нет? Флоренс никогда не приходило в голову спросить. Эти мысли потянули её в нежелательном направлении. Чтобы отвлечься, Флоренс убедила себя, что были напечатаны тысячи таких Библий, и что Сисси, вероятно, подобрала её где-нибудь из ящика в Армии Спасения. На каждой станции Флоренс поднимала голову, чтобы не пропустить 125-ю улицу. Она вдруг почувствовала урчание в животе. Утром схватила только кофе и крутое яйцо и теперь ощущала голод, усиленный нервозностью. Она пересчитала деньги, сложенные в кармане пальто: двенадцать долларов, половина того, что она сэкономила с лета.

Зачем она взяла их с собой, она не могла точно сказать. Они почему-то беспокоили её, вызывая мелкую дрожь.

Флоренс вышла на углу 125-й улицы и Авеню Св. Николаса и окунулась в облако запахов — попкорна и жареного арахиса — и такого количества цветных лиц — больше, чем она когда-либо видела в одном месте. Мужчины в шляпах с поднятыми воротниками, дети в коротких пальто, которых плотная женщина переводила через широкий проспект, трубач, раздувающий щёки под большим плакатом, гласящим: «Прекрасная мебель по ценам ниже аукционных». Небо было похоже на похоронный саван. Прижав к себе посылку, она прошла мимо часовни, из боковой двери которой вышли несколько дам в потёртых пальто и элегантных шляпках. Время проповеди давно прошло, и уже выстраивалась очередь за супом. Извилистая змееподобная очередь из людей, по четыре в ряд, формировалась около главного входа и вдоль гранитной облицовки церкви. Белые лица, вкраплённые среди чёрных, опавшие, обветренные лица, наполовину скрытые козырьками кепок, заставили её на минуту представить, как должно было быть белым мужчинам вдвойне унижительно получать благотворительность из негритянской церкви. Негры, во всяком случае, многие из них, стояли в очереди одетые как бы в лучшие воскресные костюмы и шляпы.

Адрес, который дала ей Зельда, находился в блоке более-менее ухоженных браунстоунов, хотя сточные канавы были завалены мусором и гниющими газетами. Несколько детей играли в классики на тротуаре, мужчина стоял, прислонившись к косяку. Флоренс натянуто улыбнулась им, видя что они провожали её взглядами, когда она поднималась по лестнице. Звонок был сломан, но после нескольких стуков дверь открыла девочка лет двенадцати.

— Здравствуй. Я ищущу Сисси Аллен, — сказала Флоренс голо-сом, хриплым от сильного волнения.

Девочка молча смотрела на неё. — Сесилия Аллен, — пояснила она. — Тётя Сесилия здесь не живёт.

— Она что, переехала?

Из тусклого коридора донёсся взрослый голос:

— Этель, я тебе говорила не трогать этот замок! — Позади девочки появилась женщина с каменным лицом. — Могу я чем-нибудь помочь?

— Я принесла кое-какие вещи Сесилии, чтобы вернуть ей,— Флоренс протянула свёрток, обвязанный шарфом. На лице женщины промелькнуло понимание, кем может быть Флоренс. Она положила руку на пакет и сказала:

— Сесилия будет признательна. Я ей обязательно передам. Но Флоренс не отпускала.

— Я бы хотела передать ей это сама.— Девочка посмотрела на мать.— Я бы хотела попрощаться с ней.

Флоренс заметила, как женщина бросила на неё недоверчивый взгляд, взвешивая её просьбу против каких-то других соображений.

— Она живёт на 149-й,— наконец произнесла женщина,— недалеко от реки— и дала Флоренс адрес.— Огденское здание. Ты узнаешь его.

В ответ рассыпавшейся в благодарностях Флоренс, она сказала только:

— Могла бы и сама найти.

Улица, продуваемая ветром и почти пустая, пахла рекой. Она добралась до северного края негритянского района, места, которое уже сливалось с Бронксом на Вашингтон-Хайтс. Сначала Флоренс подумала, что ошиблась адресом. Но нет, здание Огден стояло на углу, в конце ряда коричневатых домов— квадратное кирпичное здание, окружённое множеством пожарных лестниц, с призрачным, почти почтенным видом старого отеля, превращённого в доходный дом. Оно поднималось на пять этажей вверх в серое небо, к чёрному от сажи карнизу в стиле римского храма. Верхние этажи выглядели обгорелыми и опустошёнными, а на нижних этажах белая краска облезла, обнажив гнилую кирпичную стену. Где оконные стёкла не были в трещинах, их не было вообще; их заменили на картон и фанеру.

Она осторожно поднялась по лестнице в тусклый вестибюль, где богато украшенная люстра слабо освещала сколотую плитку. Попробовав открыть лифт, она обнаружила, что дверь заперта изнутри шахты. Флоренс поплотней запахнула пальто— откуда-то тянуло промозглым сквозняком— дверь в воздушную шахту, через которую холодный зимний свет попадал в дальний конец коридора, была оставлена открытой. В вестибюле, внезапно раздался громкий звон разбитого стекла, за которым после-

довал детский визг. Она торопливо застучала каблучками через маленький коридор и вниз по металлическим ступеням — а там, внизу, на дне воздушной шахты, забитой мусором, битым стеклом, старыми пружинными матрасами, покрытыми белыми пятнами птичьего помёта, — она увидела чёрную девочку и мальчика шести или семи лет; её внезапное появление оторвало их от игры. У мальчика, одетого в не по погоде короткие штаны, были кривые рахитичные ножки. Игрушка в его руке оказалась мёртвым голубем.

Звук тяжёлых шагов раздался позади неё.

— Опал, Лестер, вылезьте оттуда! — голос принадлежал пожилому мужчине лет пятидесяти или даже семидесяти, — она не могла точно сказать, — он вышел, прихрамывая. Мальчик послушался, бросил мёртвую птицу и, слегка ковыляя, побежал вверх по ступенькам мимо Флоренс. Девочка следовала за ним по пятам и украдкой взглянула на Флоренс.

— Вы из Жилищного управления? — угрожающе спросил мужчина.

— Я? Нет, что Вы.

— Армия Спасения? Нам не нужно, чтобы сюда приходили миссионеры и проповедовали нам религию.

— Я... я только ищу подругу. Не знаете ли вы, если...

— Армия Спасения мне не подруга, — проворчал мужчина. Он был невменяем. Лучше его ни о чём не спрашивать. Флоренс кивнула, проходя мимо него, и вернулась к главной лестнице, поднимаясь по ней так быстро, что ей пришлось крепко сжимать кожаный ремешок сумки, чтобы она не соскальзывала с плеча. Уйти как можно быстрее было её единственной мыслью, когда она бежала вверх по крутой лестнице. Голые трубы и потемневшие от дыма стены мелькали вокруг неё. На четвёртой площадке было четыре двери, только у одной из которых всё ещё виднелся латунный номер — как раз тот, который ей дали. С той же безрассудной тревогой, которая подняла её наверх, Флоренс повернула ручку и была почти шокирована, когда дверь открылась. Пол внутри был старым и изношенным. Штукатурка со стен отвалилась, но в остальном место выглядело опрятным. Она сразу узнала Сиссино синее пальто на вешалке. Кучи белья лежали на полу — много кучек, разделённых на светлое и тёмное.

— Кэролайн, это ты? — позвал голос из кухни (или это был туалет). — Флоренс могла видеть только округлую кромку ванны и цинковое ведро, стоящее на нескольких кирпичках. В коридор, где она стояла, шёл пар, пахнувший щёлочью и плесенью.

— Кэролайн?

Увидев, как изменилось лицо Сисси, она ощутила внутри холодок предчувствия. Сисси вышла в своём домашнем платье и цветном фартуке, её лицо блестело от пота, а залысина на проборе была видна, потому что она не расчесала волосы, как обычно. Она ожидала кого-то другого, и уголки её глаз выдали паническое напряжение, несмотря на деланую улыбку, которая открыла небольшой зазор в её передних зубах.

— Флоренс, детка?

— Здравствуй Сисси.

Сисси наморщила лоб, как будто искала кого-то позади неё.

— Как ты добралась сюда?

— Я извиняюсь, что всполошила тебя. Ты кое-что оставила, — пробормотала Флоренс, передавая пакет с косынкой. Сисси приняла его так, будто не имела понятия, что это такое.

— Это твоя Библия. И некоторые другие вещи. Мама сказала просто отправить по почте, но я хотела убедиться, что ты их получишь.

Сисси кивнула.

— Иди, сюда... — Она привела её в... да, это была кухня, где рядом с раковиной стояла ванна, облицовка над ней была сколота и выровнена так, что одна плитка получилась цветная. Одежда висела на верёвках, натянутых под потолком, и едва можно было найти место из-за тазов, наполненных горячей, тёплой и холодной водой, и массы белья. Рядом с раковиной стоял газовый нагреватель, стена над ним была покрыта сажой и пылью. Окно было открыто, но вытяжки не было, и поэтому сажа из нагревателя поднималась прямо вверх по стене к повреждённому водой потолку.

— Ты приехала сюда совсем одна? Вот, сядь здесь. — Она сняла одну из цинковых ванн с табуретки.

— Ты не можешь себе представить, Сисси. Я добиралась с самого утра. Дольше, чем Капитан Ахав! — сказав это, Флоренс почти сразу же, поняла, что Сисси таки могла представить, потому что это было то самое путешествие, которое ей приходилось совер-

шать в обоих направлениях почти каждый день в течение многих лет. Чтобы как-то скомпенсировать свой промах, она сказала:

— Сисси, без тебя было так серо. — Но её признание, казалось, только преумножило неловкость.

— Что-нибудь случилось дома?

— Нет-нет, всё в порядке!

— Жена твоего брата уже родила?

— Нет ещё. Но он нашёл работу!

— Ну, твоя мама, должно быть, рада, — Сисси рассеянно огляделась. Ванна была полна стоячей воды. Старая потрескавшаяся стиральная доска торчала из массы отсиненного белья.

— Да, она рада, но..., — Флоренс внезапно поразила догадка: Сисси стирала не своё бельё. Это было чужое бельё. — Но это не на полную ставку. Пока только половину времени..., — сказала Флоренс, постепенно умолкая, взглянув украдкой на трусы, сохнувшие над плитой; с них капало в горшок с папоротником, который расцвёл около полуоткрытого окна, где он, казалось, пытался найти облегчение от насыщенного щёлочью пара в комнате. — Харри говорит, что через шесть месяцев он получит повышение, — бодрым голосом произнесла она, — может, даже раньше, и тогда я уверена, что мама и папа захотят вернуть тебя, как только смогут..., — но она не знала, как продолжить. Она совсем не была уверена. Она ни в чём не была уверена, меньше всего в её сомнительном плане приехать сюда. Глаза Сисси были опущены — она развязала косынку, положила Библию на полку и взяла себя в руки, так что её лицо приняло привычное терпеливое выражение, пригодное для маскировки любого колебания настроения.

Только, вдруг, оно показалось маской... Как защитная, почти непроницаемая маска, которую Флоренс иногда видела на лицах негров на улице. Почему Сисси вдруг надела эту маску? Она всё ещё злилась на неё за то, что они не попрощались?

Флоренс залезла в сумку и достала банку печенья. — Я принесла тебе это.

Лицо Сисси расслабилось в смущённой улыбке. Она держала банку, снова оглядела мрачную маленькую прачечную и сказала:

— Ты хорошая девочка, Флоренс. Надеюсь, ты не обидишься, что я не предлагаю тебе чай. Я должна выстирать эту одежду, пока вода горячая — видишь, нагреватель опять сломался.

— Извини, я не имела в виду задерживаться. Это тебе на Рождество. — И тут она вспомнила о двенадцати долларах в кармане. Но что ей теперь делать с ними? Сейчас она не видела, как отдать эти деньги Сисси. Конечно, это ударит по её гордости — она посмотрит на это не как на рождественский подарок, а как на жест жалости. Флоренс посмотрела на Библию. Может взять её и украдкой вложить деньги внутрь? Нет, было уже поздно. Почему она не подумала открыть банку с печеньем в поезде и положить деньги под крышку? Но у неё не было времени ответить на все эти неразрешимые вопросы, потому что Сисси взяла её руку и сжала её в своей грубой ладони — пожатие благодарности и намёк для Флоренс, что пора идти.

* * *

«Могла бы и сама узнать», — слова эти вернулись к ней в поезде, возникнув из стука и визга колёс. Она всё ещё чувствовала в носу щёлочь, которая убивала все другие запахи. Стирать грязное бельё чужих людей! Флоренс вздрогнула, подумав о том, как долго Сисси гнула спину, таская это бельё вверх и вниз на пять пролётов. Она почувствовала, что дрожит, словно от холода. Демонические лица за окнами смотрели в металлическую тьму, под громыхание скоростного поезда по надземной дороге к дому. Холодные огни Грамерси-Парка появились за её отражением. Затем небоскрёбы Уолл-стрит, вздымающиеся в небо над этим ужасным городом. Она пыталась удержаться от дрожи и слёз. Но почему ей так плохо? Нищета, которую она увидела в квартире Сисси, была ничем не хуже убожества, которое она не раз наблюдала по всему городу из автобуса на Риверсайд. Открытые костры, освещающие темноту целых городов из кровельного картона, где люди живут, как цыгане. Или голодные, бродящие по окрестностям ресторанов рано утром, роющиеся в мусоре в поисках кусков лука или картофеля, бездомные, спящие в коридорах станций метро на подстилках из старых газет. Но все эти люди открыто несли следы своего позора. И в этом была разница. Она, Флоренс, вторглась в постыдную нищету Сисси прямо в её собственном доме, наивно думая, что Сисси будет рада ей, как дочери, и простит её. Она хотела дать ей деньги, но стала нервничать, боясь унижить Сисси больше, чем уже

унизил. И теперь она ненавидела себя за это. К чёрту достоинство! Почему она просто не вложила деньги прямо в ладонь Сисси и отказалась забрать их обратно! Даже её мать — если бы она решилась уже проехать весь путь до Гарлема — не подумала бы дважды. Вот, что происходит, сказала себе Флоренс, когда ты сомневаешься в своих побуждениях. Она вела себя как туповатый олух из-за того, что была слишком горда, чтобы признаться, что причиной, по которой она хотела найти Сисси, было чувство одиночества, возникшее с её уходом.

Вид молодой девушки, тихо плачущей в поезде, вызывал сочувственные взгляды некоторых пассажиров. Флоренс понимала, как она выглядела для них: как девушка, у которой сердце разбито каким-то недостойным парнем. Люди предпочитали выражать своё сочувствие симпатичной мордашке, опухшей от сердечных слёз, чем мрачным и обветренным лицам молча голодающих людей. Она вытерла слёзы, прежде чем они начали выглядеть искусственными; сочувствие окружающих стало тяготить её. Когда поезд пересёк Ист-Ривер в Бруклин, разум Флоренс, блуждавший в мутных водах вины, наконец, пристал к пристани решений: *она поклялась себе, что никогда больше не допустит, чтобы нерешительность не позволила ей сделать то, что она считала правильным.*

Она вышла из метро на Беверли-роуд в более бодром настроении. Морозный зимний воздух высушил последние слёзы и придал уверенность, что она что-то преодолела. Сменив вину на обещание не позволять сомнениям снова помешать её решению, Флоренс зашагала увереннее. Она повернула направо на Марлборо, где улицы с такими названиями, как Абермарль, Букингем и Дорчестер, сменили нумерованные. Огни мерцали в лестничных окнах между качающимися ветвями голландских вязов. Много лет спустя, когда она вспоминала этот вид, ей показалось, что если забыть, что это Бруклин, то можно даже увидеть, как наползает лондонский туман. Но, хотя в её памяти путешествие того дня останется в мельчайших подробностях на протяжении всей её жизни, единственное, чего она не запомнила, была клятва, которую она дала себе. Эта клятва уже по дороге домой начала погружаться в тот тёмный слой подсознания, из которого будет исподволь возникать в её одной понятные моменты.

* * *

Небо поверх вязов уже становилось лиловым, когда она добралась до Флэтбуша. Она проникла в дом через кухонную дверь. Из столовой доносились голоса родителей, но там был кто-то ещё — знакомый назидательный голос громко декларировал:

— Мы понимаем, что некоторые мальчики в этом возрасте могут неразумно реагировать на более тонкие места в законах Торы, которые касаются чистоты тела, некоторых выделений и тому подобное...

Флоренс слегка приоткрыла дверь и увидела Раби Соффера, сидящего за столом; его огромная рука сжимала костлявое плечо Сидни:

— Шутки шутками, но мы ожидаем некоторую зрелость, особенно на этом важном этапе подготовки к вступлению в еврейскую взрослость.

— Что именно он сказал в классе, Раби? — осторожно спросил отец. — Сидни?

Обвиняемый молчал.

— Шмуел? — спросил ребе, обращаясь к Сидни по его еврейскому имени. Представив мальчика перед судьёй, он теперь, похоже, изображал защитника, старающегося убедить Сидни, что если он продемонстрирует раскаяние, то всё будет в порядке. Но Сидни решил «взять Пятую».*

— Он говорил мальчикам, что «кошерная» женщина — это такая, которая переждёт три часа после ухода мясника, прежде чем, э-э — ребе прочистил горло — вступить в сношение с молочником.

Короткий смешок вырвался из отцовского носа:

— Даже не знаю, где он мог такое услышать, Раби.

— Это не важно, услышал он это на улице или дома...

— Конечно, не дома, — возразила Зельда.

— Раби, обычно он хороший уважительный мальчик, — заметил Сол. — Уж не знаю, что в него вселилось.

* «*Take the Fifth*» — отказ от свидетельствования против себя самого. Пятая поправка к Конституции США защищает подсудимого от дачи показаний, которые могут служить основанием для его обвинения.

42 ДИАЛЕКТИКА ФЛОРЕНС ФАЙН

МОСКВА, 1978

В первые недели выздоровления Флоренс передвигалась на костылях, стоявших в голове её диван-кровати, и это отнимало у неё столько сил, что не могло быть и речи о её возвращении в старую комнату на улице Чехова. На такой риск они пойти не могли. В гостиной, забитой упакованными к отправке вещами, Юлик оборудовал ей ложе на раскладной диван-кровати, где она по большей части и пребывала подобно беженке, пока её семья готовилась к отъезду.

Несмотря на это неудобство, вся семья вела себя заботливо и предупредительно. По утрам девятилетняя внучка приносила ей на подносе завтрак — гречневую кашу, чай, болеутоляющие таблетки. Сдавшийся, Юлик не донимал её больше вопросами о том, поедет ли она вместе с ними. Когда он спрашивал её, как поживает её нога, вид у него был виновато-расстроенный. То же было и с Люсей. Вся эта неуклюжая забота вызывала у Флоренс ощущение пациентки психиатрической палаты. Один лишь маленький Ленни, утыкавшийся в её колени, когда она сидела в кресле, шумно без всяких церемоний радовался ей, хоть мать его и пыталась убедить дать бабушке поспать. Его она и любила больше всех.

Она была рада, когда после утренней суеты завтрака, одевания, проводов детей в школу они спешили из дому, а её оставляли в покое. Сидя у кухонного окна и прихлёбывая чай, Флоренс смотрела, как последние тёплые дни осени за окном сменялись нескончаемыми дождями. Безликие башни окраины терялись в туманной дымке. Дождь заливал выщербленные мостовые, а новое метро девятью этажами ниже поглощало и извергало толпы пассажиров. Пока её сломанный

голеностоп заживал в гипсе, ей пришлось отменить почти все уроки. Какое-то время некоторые из её учеников соглашались приезжать в квартиру Джулиана, где она занималась с ними за крошечным кухонным столом. Но постоянный беспорядок в доме, где жили двое маленьких детей, делал её работу почти невозможной.

Всю жизнь она знала, чем себя занять, как не дать нежелательным мыслям себя одолеть. Но теперь, когда единственной оставшейся обязанностью было снова встать на ноги, Флоренс не оставалось ничего иного, кроме как предаться размышлениям. Из-за слабости и болеутоляющих таблеток она быстро уставала и с радостью впадала в медикаментозное забытье в течение дня. Но этот вынужденный отдых действовал на неё странным образом. Иногда, выходя из объятий сна, она вдруг ощущала тошноту в горле и в животе, как будто стояла на палубе корабля во время качки. Иногда, вздрогнув, просыпалась от знакомого голоса во сне «Как может девушка бросить свою семью? — спрашивал голос. — Кто способен на такое в здравом уме?» Давно голос отца не вспоминался столь явственно. В вечернем полумраке квартиры огорчение отца ощущалось острее, чем горечь сына.

Но она *должна была* уехать. В той стране, давным-давно опутанная вековым чувством вины, она решительно отказывалась подчинять свои желания всей этой бессмысленной порядочности. Не то, чтобы она не верила, что в Америке что-то может измениться — менялось даже тогда, повсюду. Но кто же мог предвидеть всё, что случится: разброд, войны, борьбу за права расовых меньшинств, целую эпоху сексуальной революции, о которой пишут до сих пор. Освобождение женщин. Кто мог предвидеть противозачаточные таблетки, которые скинут с девичьих плеч ношу тысячелетий. Да, она могла остаться и стать участницей всех этих многолетних изменений. Но для этого у неё не хватило терпения. Она хотела перепрыгнуть одним махом через все запреты и препятствия, через все предрассудки и ханжество, напрямик в будущее. Вот что значил для неё тогда Советский Союз — место, где будущее уже настало. Потому и сбежала она тогда из Страны Свободы — чтобы почувствовать *себя свободной*. Она должна была решиться на это сама, иначе она вообще не смогла бы решиться.

Как может девушка бросить свою семью? Тогда она об этом не думала, не знала, что значит иметь своего ребёнка. И что это значит — потерять его. Об этом она узнает много позже.

Всё чаще она думала о Леоне. Если бы она знала, как мало времени им оставалось быть вместе, была бы она такой непоседливой, скупой на ласку? Плохой женой была она ему, а он её так любил, был ей так предан, прощал ей то, чего прощать нельзя было ни в коем случае, даже её подлую связь с тайной полицией, которую теперь она сама едва ли могла себе простить. Не было между ними мира и согласия в те годы унижения и ужаса. Но насколько всё было бы ужаснее, не будь Леона рядом с нею? Может, будь она мудрее, он бы и не погиб? Не расскажи она Субботину про поход на встречу с Мейерсон, про их друга Селдона? Да, она и об этом иногда задумывалась. Оттянули ли её признания их гибель или ускорили её?

Но как было узнать. В старости вдруг замечаешь, что мелкие просчёты огорчают намного сильнее крупных. Сейчас сердце у неё болело оттого, что она слишком мало радости приносила Леону, даже больше, чем от мысли о том, что она могла спасти ему жизнь. Всегда куда-то порывалась бежать, когда ему хотелось просто посидеть, рассказать ей очередной анекдот. Всегда закатывала глаза от его развлечений, его легкомысленности, а ему ведь просто хотелось её развеселить. На интимные ласки всегда была скупа, ссылаясь на усталость. Никогда не говорила ему, как много он для неё значит.

Жизнь в какой-то мере вознаградила её за все лишения — дала ей, прежде всего, хорошего сына. Когда она вернулась из лагерей без Леона, ей больше всего хотелось вернуть утраченное за все эти годы — вырастить и защитить Джулиана, как может только мать. Но только он к тому времени уже не нуждался в её защите. Он привык к самостоятельности. Сам застилал постель по утрам, сам пришивал пуговицы, сам чистил обувь, прямо как солдат. Ещё по-мальчишески угловатый, сам варил себе макароны после школы. Все эти утраченные годы сделали его сдержанным и самостоятельным мальчиком. В тринадцать лет он был нежен с нею, уважительно называл её мамой, хотя слово это в его устах звучало несколько неуклюже. И ей нелегко было снова войти в роль матери после стольких лет разлуки.

Какие-то детские воспоминания у него сохранились. Но для новой привязанности необходимо было время. Он, однако, не держал на неё обиды. По крайней мере, какое-то время. Трения между ними начались позже, в год, когда он оканчивал школу. Вот тогда и началась Великая Реакция, принявшая облик политических и философских взглядов, споров, презрения ко всему, что она отваживалась защищать или даже к чему относилась нейтрально. Все накопившиеся за утраченные годы обиды и боли вдруг разом проросли.

Возможно, это было справедливым возмездием за то презрение, которое она выказала своим родителям. Сыну, похоже, доставляло удовольствие указывать ей на все её идеологические противоречия, как он это называл. Если она осмеливалась пожаловаться на то, что от водителя автобуса или кассирши в магазине несёт перегаром, сын насмешливо спрашивал: «От рабочего народа, мама?» И когда он с отвращением рассказывал, как вместе с другими студентами он должен был с деревянными урнами для голосования обходить квартиры в их районе в день выборов, стучась в каждую дверь и умоляя людей проголосовать за единственного кандидата и обеспечить 99% явки, а она ему на это сказала, что, по крайней мере, он дал людям возможность проголосовать. Он посмотрел на неё тогда как на умалишённую. Он не мог сдержать смеха, когда она ему как-то раз сказала, что он должен гордиться тем, что живёт в стране, где нет безработицы. «А знаешь, где ещё не было безработицы, мам? — с явным намерением подколоть её, спросил он и сам ответил. — В Берген-Бельзене!». Когда она сказала ему, что он должен быть благодарен за бесплатное образование, благодаря которому он способен с ней спорить с такой ловкостью, он напомнил ей о том, что за это по окончании учёбы ему придётся три года отработать в какой-нибудь провинциальной дыре и что ему, ученому-инженеру, всю жизнь платить за работу будут меньше, чем вечно пьяному работяге у конвейера.

Разумеется, она знала о спорах отцов и детей, но в случае с Джулианом это было другое. Он никогда не признался бы вслух, что осуждает её за то, что она бросила его ребёнком. Ведь детскому сердцу безразлична причина, по которой его остави-

ли, но взрослому уму этой простой истины понять не дано. Он хотел, чтобы она загладила свою вину перед ним, осудив целиком всю систему, разлучившую их. Ему недостаточно было чувствовать себя правым, а её виноватой. Если бы он только этого хотел, она бы поняла. Но нет. Он хотел от неё полного отречения от всего, чем она когда-то дорожила. И это его желание казалось ей таким бездонно глубоким, что уму её было непостижимо, как утолить его.

В такие минуты она особенно остро ощущала отсутствие Леона. Леон бы сумел найти подход к Джулиану. Он сумел бы превратить тяжёлый, как свинец, сарказм Юлика в искрящееся золото юмора и лёгкой иронии. Но она этих слов сама найти не могла. «У тебя слишком хорошо подвешен язык, где мне тебя переспорить», — говорила она всякий раз, когда он своими аргументами припирали её к стенке. В конце концов, лучшим из всего, к чему они пришли, было умение не вступать в бесполезные споры.

Теперь, когда Джулиан больше не упоминал названия страны, в которую они собирались ехать, только постепенно исчезающие из квартиры вещи напоминали Флоренс о том, что решение об отъезде принято окончательно.

Они распродавали вещи. По вечерам она видела, как сын составляет списки книг и пластинок для продажи или раздачи друзьям. В течение нескольких недель с книжных полок в гостиной, где спала Флоренс, исчезли книги авторов, бывших её безупречно верными друзьями во время выздоровления. Ушли собрания сочинений Толстого и Пушкина, Гоголя и Лермонтова. Исчез проигрыватель, на котором она слушала музыку Стравинского и поэмы Цветаевой. Полки стали заполняться другим: расписными хохломскими деревянными мисками, ложками и солонками, которых за все свои годы жизни в России Флоренс ни разу не покупала. Это была идея её невестки. Нервная, но практичная, Люся собиралась везти всю эту крестьянскую дребедень в Америку в качестве подарков тем, кто поможет им устроиться на первых порах. Что ещё могли они предложить своим американским благодетелям? Как странно, думала Флоренс, представить собственного сына на её родине, русского с подарками из Старого света.

Она думала, что голос отца перестанет преследовать её, стоит лишь перестать принимать снотворное, но он, казалось, звучал всё настойчивее по мере того, как она поправлялась и начала свободнее передвигаться по квартире. Опять она рвала связь со своей семьёй. Какой-то частью души она понимала, что это неизбежно наступит. Она молилась, чтобы Джулиана поскорее выпустили, готовясь отпустить его навсегда. Неужели он сам не понимал, что делает она это для того, чтобы хоть как-то вознаградить его за то, чего она его лишила когда-то — раз уж она не смогла оставить ему что-нибудь значительное, так пусть уж он начнёт новую жизнь в Америке, не имея обузы в её лице.

— Я не могу, папа, — говорила она Соломону, — я не могу принудить его ходить за мной бесконечно.

Но ответ отца поразил её: «Это ты должна за ним ходить, неужели не понимаешь? Мало тебе, что ты его один раз уже бросила?»

И вот тогда она поняла: не словами, а делами может она искупить свою вину перед Джулианом.

Но какое право имела она бежать из этой страны, сожравшей Леона, Селдона, Эсси? До тех пор, пока она знала, что и её кости лягут рядом с ними, она откладывала приговор самой себе. Пока она никуда не уезжала, она могла и дальше убеждать себя в том, что эта проклятая страна их погубила, а не она принесла их в жертву ради собственного спасения. После сорока лет скитаний в пустыне даже древнему Моисею не дано было разрешения ступить на землю обетованную.

Теперь, когда в отсутствие учеников занять ей себя было нечем, она стала учить английскому своих внуков, читая Маше рассказы из английских книжек, которые Люся сумела раздобыть. Маша была умненькой, внимательной девочкой, очень похожей на Джулиана в детстве, но подлинным любимцем Флоренс был кудрявый Лёня, маленький Ленни, названный так в честь её Леона. Это он утыкался ей в колени и слушал, раскрыв от удивления рот, её рассказы про крокодилов, ползающих в туннелях Нью-Йоркского сабвея.

— А они страшные? — спрашивал он её.

— Ну, только если окажешься с ними один на один, но ведь так не будет.

— Потому что Баба будет со мною.

Она не знала, что ему сказать. «Мама с папой будут с тобою, мой зайчик».

Но он всё ещё сомневался, будто чувствовал, что и его родителям, растерянным иммигрантам, станет не по себе в мрачных лабиринтах сабвея.

А вот бабушка — другое дело, с нею нигде не пропадёшь.

— Но ты ведь тоже будешь с нами, — сказал он уже увереннее.

И она поняла, что не в силах сказать ему «нет».

44 БРУКЛИН

НЬЮ-ЙОРК, 1981

Каждую неделю, странствуя по новому незнакомому городу, она обнаруживала то, чего раньше здесь не было. Стадион «Поло Граундз». Стеклоанный храм-небоскрёб над Пенсильванским вокзалом. Вместо роскошного, увенчанного готическим шпилем, здания Зингера другой толстый небоскрёб. Троллейбусная линия на Бруклинском мосту. Огромный жилой массив на месте старого стадиона «Эббетс Филдс», принадлежавшего «Доджерз», любимому бейсбольному клубу Сидни.

Были кварталы, куда одной ходить было рискованно. Браунсвилл, Бедфорд-Стай, южный Бруклин. Те места, где улицы были опустошены поджогами и разрухой. Здание, где она когда-то обучалась машинописи, было всё изуродовано граффити. Исчезли линии надземки, с которых раньше на прохожих сыпалась сажа. Исчезли трамвайные пути на Фултон стрит, вместо них стояли фонари и деревья. Даже таблички с названиями улиц теперь были кричащие яркозеленые, а не бледножелтого или серого цвета, как прежде.

В первые месяцы Флоренс чувствовала себя подавленной всеми этими новшествами, но вскоре ей стало даже нравиться, что от старого Бруклина, напоминавшего ей о её прошлом, почти ничего не осталось. Она гордилась тем, что не подвержена ностальгии. Запущенность этого бедного района её больше не удручала.

Порою сидя у окна кухни, выходящего на пожарную лестницу, и любуясь видом на Оушен Парквэй, она думала, как это странно: убежать отсюда в юности, чтобы, в конце концов, вернуться сюда же.

Гражданство ей восстановили сразу же по прибытии (по праву рождения). Для получения прочих привилегий пришлось

приложить некоторые усилия. С помощью Сидни и Джулиана она заполнила специальные формы штата и города Нью-Йорка для получения пособия по старости и квартиры со скидкой в квартплате для малоимущих. Ей даже была предоставлена ямайкская домработница, приходившая дважды в неделю помочь прибраться в квартире и приготовить обед, измерить кровяное давление, сводить её к врачу или к парикмахеру. Но в остальном она жила вполне самостоятельно в своей двухкомнатной квартире на углу Авеню С, где день и ночь были сирены полицейских машин и «скорой помощи», и где каждую субботу она могла видеть, как ортодоксальные евреи в чёрных шляпах, похожие на призраков ушедшей эпохи, ведут легионы своих чад в синагогу.

Оказалось, что её страхи стать никому не нужной, были напрасны. Целыми днями к ней стремились за помощью её новые соседки: грудастые, выкрашенные в огненно-рыжий цвет киевлянки и одесситки, грузинские еврейки, говорившие по-русски с куда более сильным акцентом, чем она, тётки из Азербайджана в тюрбанах и длинных юбках, подметавших грязные полы коридоров многоквартирного дома — все стучались в её дверь, чтобы получить помощь в оформлении непонятных бумаг, приходивших по почте еженедельно из социального страхования, медикейда или от распространителей газет и журналов. Те из них, кто имели проходящих домработниц, приходили просить её помощи в роли переводчицы, потому что сами понять их не могли, называя их «иностранками», хотя эти женщины с Ямайки и Барбадоса жили в стране намного дольше их самих.

Но больше всего её радовали визиты брата. Именно Сидни выводил Флоренс на прогулки в старые районы Бруклина, где пятьдесят лет назад они охотились за разными маленькими сокровищами: ножиками для пирожных, волшебными карандашами, полицейскими свистками, леденцами на палочках, волнистыми попугайчиками. Конечно, теперь не было универмага «Вулворт» на каждом углу или мелочных лавочек, где все эти сокровища стоили пять–десять центов. Теперь за пять или десять центов ничего купить было нельзя. Даже звонок по телефону-автомату стоил четвертак. И настоящей яичной крем-соды теперь купить было негде. И потому брат с сестрой вместо всего этого просто сидели на скамейках парков, болтали, глядя на проезжающие

машины, говорили до изнеможения, как будто и не было этих пятидесяти лет разлуки. А помнишь! А помнишь! А помнишь, как ты хотела найти работу такую же как у Элизы Вайс, продавать часы у «Мартина» во время рождественных праздников?

— Элиза — боже, да могла ли эта бедная девочка вообще сказать который час?

— А помнишь, как мама взяла нас с собой смотреть на особняк Менкена, потому что ей очень хотелось увидеть их китайскую комнату?

— Конечно, помню. Она потом без устали говорила про буажные вееры и атласные обои! А ещё ходили слухи, что мистере Менкену пришлось приносить много извинений.

— Скандал?

— О нём все тогда только и говорили, глупый. Но ты был ещё совсем маленьким тогда.

— Так кто же тебе про него рассказал?

— Никто, я сама слышала. Помнишь, как говорила наша нянюшка Сисси: богатый не откупится ромашками, точно так же, как бедняк — бриллиантами.

* * *

Сегодня они прошли мимо своей любимой скамейки, шагая медленно, чтобы не утомлять больную ногу Флоренс. Она держала Сидни под руку, а сумочка болталась между ними, чтобы какой-нибудь хулиган не имел соблазна её стащить, хоть в ней и не было никаких ценностей, не считая двадцати долларов и пригоршни автобусных жетонов. Ничего важного, кроме письма.

Её брат был единственным, кто знал про изначальное письмо. То самое, которое она пять лет писала в уме и, наконец, воплотила на бумаге в июле 1959 года. Сидни тогда приехал в Москву, ухитрившись пристроиться делегатом на Американскую национальную выставку, устроенную по приглашению Хрущёва.

Все эти годы она не могла забыть своего лётчика, человека, упавшего с неба подобно ангелу, дабы дать ей шанс на вторую жизнь. Но, давая обещание рассказать семье Генри о его судьбе, она совершила очередной обман. В годы после лагеря, когда она

пыталась начать новую жизнь и вырастить сына, она всё время уговаривала себя, что не обязана сдержать обещание, данное ею при тех обстоятельствах. Обещание, данное в минуту отчаяния и голода, в то время, когда она и вообразить себе не могла, что с ней станет в будущем — разве оно чего-нибудь стоит? Если бы такое письмо было отправлено из Советского Союза и попало в руки властей, она вполне могла ожидать, что к ней незамедлительно нагрянут те самые люди, во власти которых было нанести и ей, и её сыну страшный вред.

Она не знала даже, найдётся ли у неё достаточно смелости написать такое письмо, если бы её отважный брат не вызвался спрятать его у себя в портфеле. Встретив Сидни в тот день в Сокольниках, так сильно изменившегося — высокого, в пиджаке и тёмных очках, с набриолиненными жёсткими волосами и с золотым браслетом на руке — она запаниковала. Насколько же он выглядел американцем — пышущий здоровьем и самоуверенностью. Иностранец. Но она ошиблась: он по-прежнему лучился любовью и преданностью. Он принёс с собою толстую пачку фотографий — их родителей, их старшего брата, племянников и племянниц, которых она никогда не видела, и часами рассказывал ей о той жизни, которую она безвозвратно утратила. В конце концов, он предложил зашить письмо семье Роббинза в подкладку его костюма. Сидни советовал ей подписать это письмо своим подлинным именем, но она по-прежнему боялась. И в тот день, когда они с Джулианом провожали Сидни в московском аэропорту, ей было совсем не радостно от мысли о том, что она смогла исполнить единственное обещание, некогда не совсем искренне данное Роббинзу.

На улице Албемарле в здании их бывшей синагоги теперь была баптистская церковь, хотя на чугунных воротах по-прежнему красовалась звезда Давида. Люди, выходявшие из неё, говорили не на идиш, а на креольском. Сидни не хотелось, чтобы она навевалась в этот район даже в его сопровождении. Да и сын её при первой же возможности уехал из Нью-Йорка и поселился в Вестчестере. Там было жить намного спокойнее. Но кое-что осталось от старых времён. Эразмус Холл по-прежнему выглядел как белая готическая крепость, только сосны вокруг него стали такими высокими, что закрывали окна верхнего этажа. Похожий на Гранд-опера театр Кинг Лоу по-прежнему стоял

на Флэтбуш Авеню, но его роскошный барочный фасад облупился и покрылся сажей. И почтовое отделение было всё там же, в старом кирпичном здании, которое почти не изменилось с тех давних времён, если не считать граффити.

Письмо, которое она собиралась отправить сегодня, содержало больше подробностей, чем то, что она написала в 1959 году. На сей раз она подписала его своим именем, а тогда ещё слишком боялась. Она подробно описала лагерь, в котором встретила Генри. Она сообщила в письме свой номер телефона на случай, если они захотят узнать другие подробности.

Ей до сих пор было не по себе, голова кружилась от мысли о том, что она сообщила столько подробностей о самой себе тем более, что Сидни настаивал на том, чтобы копию письма она отправила в Вашингтон в управление по делам ветеранов в отдел пропавших без вести. Если годы, проведённые в России, её чему-то и научили, так это тому, что за избыток информации приходится платить очень дорогой ценой.

Но каким же облегчением было забыть эти уроки. Пробыть, наконец, тюремный лёд молчания.

Никакой очереди на почте не было. Почтовая служащая, полная женщина в толстых очках, взяла у Флоренс конверты, простамповала их и вручила ей расписку о получении.

На улице апрельский ветер гонял по асфальту апельсиновую кожуру и мокрые газеты. Флоренс подставила лицо яркому и тёплому полуденному солнцу. Он по-прежнему стоял у неё перед глазами — мужчина, в чьих подбитых глазах сверкала непоколебимая, непостижимая и неподкупная вера в неё. Роббинз назвал её когда-то спящей красавицей, и теперь она чувствовала, что, наконец, просыпается.

Сидни ждал её на улице. «Ну что, пора домой, Флори?» — Он взял её под локоть своей сухой и тёплой рукой.

— Да, — ответила она, — пора.

БЛАГОДАРНОСТИ

Есть люди, без которых эта книга не могла бы появиться, чьи истории и идеи были почвой, из которой выросли мои герои: Тимофей Фридман, Александр Иерусалимский, Илья Поноровский—мои герои во всех смыслах этого слова. Я благодарна своей семье, которая никогда не позволяла мне отойти от видения этой книги: Софии Красиковой, моей матери и коллеге, которая читала каждую страницу и не давала фальши пройти через её порог; Грегори Уорнеру, моему мужу и спутнику в жизни и в фантазиях, и моему лучшему редактору.

Я благодарна друзьям с цепким глазом, которые прочли оригинальную рукопись и дали неоценимые советы: Алексис Калис, Аойфе Нотон и Лауре Старческой. Спасибо моему отцу Якову Красикову за его беспощадные сокращения и сестре Татьяне—моей опоре. Моим друзьям, которые стали моей большой семьёй за годы написания: Наташе Иерусалимской, Ольге и Ане Поноровским. Моим друзьям и гидам в Москве: Ольге Ладыгиной, Ольге Основской, Сергею Журавлёву и Татьяне Смирновой. Я в долгу перед Фондом семьи Рор за бесценный дар времени и Кэролин Хессель за её восторженную поддержку этой работы, по мере того, как она перерастала из разговоров в прозу. Спасибо моему редактору Синди Шпигель, моему агенту Ричарду Абату и первым вдумчивым читателям: Джуди Стернлайт, Лоре Ван дер Веер, Кейтлин МакКенна, Луи Пелоси, Джеки Стэплтон, Линн Ловетт, Майклу Мейеру, Уолтеру и Бетти Грей, Кэрол Кристиан, Роберту Херцу и Розалинде Финк.

Я обязана сотням статей и книг, которые позволили мне узнать о бурной и трагической сталинской эпохе и помогли мне наполнить содержанием жизни моих персонажей. Две книги были особенно полезны в понимании политического контекста их тяжёлого положения: «Брошенные: Американская трагедия в сталинской России» (*The Forsaken: An American Tragedy*

in Stalin's Russia), Тима Цулиадиса (Tim Tzouliadis); и «Секретный сталинский погром: Послевоенная инквизиция Еврейского антифашистского комитета» (*Stalin's Secret Pogrom: The Postwar Inquisition of the Jewish Anti-Fascist Committee*), под редакцией Джошуа Рубенштейна (Joshua Rubenstein) и Владимира П. Наумова. (Vladimir P. Naumov).

И, наконец, моя благодарность неугомонному духу Полины Роуз (Фридман), одной из тех смелых женщин, которые «приводят во вращение мир».

Сана Красикова

О переводчиках

Александр Пинский — врач по образованию, закончил 2-й Московский медицинский институт им. Н. И. Пирогова (ныне Российский государственный медицинский университет) в 1979 году. Живёт в США с 1989 года, работает врачом-педиатром в штате Пенсильвания.

В переводе Александра Пинского на русский в 2004 году в журнале «Иностранная литература» в 1–3 номерах был опубликован роман Энтони Бёрджесса (Anthony Burgess) «Железо, ржавое железо» (*Any Old Iron*, 1988). Годом позже роман вышел отдельным изданием в российском издательстве «Иллюминатор». Другой роман того же автора «Силы земные» (*Earthly Powers*, 1980) в русском переводе А. Пинского есть в электронном варианте на сайте proza.ru

Тимофей Фридман, 1939-го года рождения, вырос и учился в Москве. Во время войны был в эвакуации под Горьким (ныне Нижний Новгород). После ареста отца в 1949-м и матери в 1951-м году жил в детских домах, сначала в Москве, потом в Энгельсе, Саратовской области.

В 1956-м году после окончания школы вернулся в Москву. Закончил Московский энергетической институт и инженерный поток мехмата МГУ, кандидат физ.-мат. наук.

Живёт в США с 1979-го года. В 1997-м году при поездке в Москву скопировал следственное дело матери в Главном Архиве РФ. Это дело послужило исходным материалом для написания романа. В 2017-м году на доме, откуда «забрали» отца, была установлена памятная табличка «последний адрес». (<https://www.poslednyadres.ru/about/>)

В настоящее время на пенсии, живёт во Флориде.

САНА КРАСИКОВА (Sana Krasikov) — англоязычная писательница, проживающая в штате Нью-Йорк, США. Она родилась в Украине и до восьми лет жила в Грузии. В конце 1980-х годов семья иммигрировала в США.

После окончания Корнельского университета Сана работала журналистом, затем окончила писательскую школу штата Айова. Дебютный сборник рассказов Красиковой «Ещё один год» (*One More Year*), изданный в 2008 году, получил признание за глубокое проникновение в жизни русских и грузинских иммигрантов в Соединённых Штатах. Он заслужил похвальные отзывы в ведущих американских публикациях. Сборник был назван финалистом премии PEN/Hemingway 2009 года и удостоен нескольких наград: художе-

ственной премии «Молодые львы», премии Нью-Йоркской публичной библиотеки, Национального книжного фонда молодых писателей «5 under 35» и премии «Сэми Рор» (Sami Rohr). Отдельные рассказы из этого сборника печатались в таких престижных журналах, как *New Yorker* и *Atlantic*.

Роман «Репатрианты» (оригинальное английское название *The Patriots*) — первое большое произведение Красиковой. Оно написано на базе следственного дела КГБ на бывшую американскую гражданку Полину Роуз (Pauline Rose). Собирая материал для книги, Красикова провела год в Москве. Знакомство с советской историей и новой Россией позволило автору создать тот фон, на котором развиваются события в романе.

После публикации романа в 2017 году Сана Красикова была названа британским издательством «Гранта» (*Granta*) одним из лучших молодых американских писателей. Журнал *The Spectator* так отозвался о романе: «Как интеллектуальный литературный комментарий к российско-американским отношениям прошлого века, он не имеет себе равных». Роман переведён на многие языки мира. В 2019 году во Франции роману была присуждена «Первая премия за переводной роман» (Prix du Premier Roman Etranger).

Существует множество других замечательных книг, описывающих этот период и судьбы американцев, которые приехали в советскую Россию в 20–30-е годы, привлечённые дезинформацией, соблазнённые «бравым новым миром» или вытолкнутые экономической депрессией в США. В основу этих книг положены документальные или личные свидетельства. Но перед нами роман другого типа. И хотя роман базируется на документах и личном деле из архива КГБ, он глубоко психологичен. Чтение его должно служить предостережением для идеалистически настроенных молодых людей, которые смешивают свои идеи с политическим движением. Сильнейшее впечатление производит то, как мастерски и незаметно автор трансформирует свою героиню из независимо-мыслящей американской девушки в истинно-верующую, убеждённую женщину, что «ОНИ (власть) лучше знают». Даже когда ОНИ произносят и делают вещи, противоречащие морали и здравому смыслу. Способность истинно-верующего идеалиста оправдывать любое, даже самое бесчеловечное действие безгранична, и автор ненавязчиво напоминает нам об этой опасности.

Читательский отзыв с сайта Amazon.com

ISBN 978-1-950319-27-5

